

Поэт Чернов знает, кто автор «Слова»

СЕНСАЦИЯ

В Ярославле завершились VII чтения по истории и культуре древней и новой России, посвященные 100-летию со дня рождения Дмитрия Сергеевича Лихачева. Настоящим возмутителем спокойствия стал на них исследователь «Слова о полку Игореве», поэт и переводчик из Санкт-Петербурга Андрей Чернов. С ним встретился наш корреспондент.

— Вас считают учеником академика Лихачева, это так?

— В конце 70-х после окончания Литинститута я написал статью про рифмы «Слова о полку», принес в «Литгазету», и ее там напечатали. Моя тогдашняя покровительница критик и публицист Латынина послала вырезку академику. Дмитрий Сергеевич по телефону сказал ей: дескать, пришлите ко мне этого молодого человека, дайте ему командировку. Так началось наше общение. Оно длилось почти 30 лет. В 1981 году в «Школьной библиотеке» вышел мой перевод с комментариями. Собственно, Дмитрий Сергеевич вдохновил меня и на воссоздание древнего текста «Слова».

— Труд ваш опубликован?

— К концу нынешнего года в издательстве «Вита-Нова» к 100-летию со дня рождения Лихачева появится мой посвященный ему двухтомник. Там будет все, что я знаю об этом феномене мировой культуры. Первый том — текст «Слова» со всеми разночтениями и реконструкция авторского текста. Вторая книга будет называться «Хроники изнаночного времени». Так, изнанкой времен, называл мой учитель княжеские междоусобия.

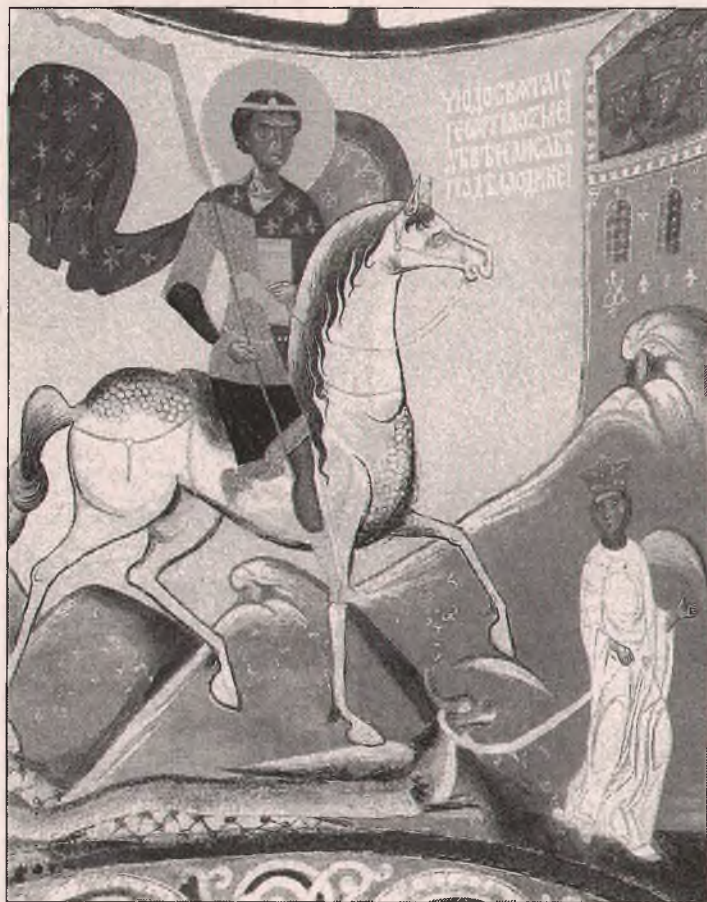
— С чем приехали вы на ярославские чтения?

— Передал в музей-заповедник кое-что с места сражения Игоревой дружины с половцами. Напомню тем, кто не знает: два года назад снарядили нашу экспедицию фонд Лихачева, «Новая газета» и дизайнерский центр Артемия Лебедева. Шли подробно описанным в летописях и в «Слове» путем Игоря на Каялу.

— Но нас в школе учили, что такой реки нет, что тут поэтический образ из «Плача Ярославны» — «омочу рукав в Каяле».

— Если вы так думаете до сих пор, очень вам сочувствую. «Ка-

яла» с тюркского означает «Скалелистая». Такая река с 20-километровой каменной стенкой по кромке берега есть: последний левобережный приток Северского Донца перед его впадением в Дон. Сейчас та речка называется Быстрая, летом она пересыхает, но все же не до дна. Мы ее собирались форсировать

на машине и оскандалились — застряли, пришлось нас тягачом вытаскивать.

— Так мы о ваших находках на Каяле.

— Скала там метров в двадцать пять высотой, почвы всего в ладонь толщиной. Мы прошагали с металлоискателями, и

нам крупно повезло. Ребята «поймали» железо, ковырнули пару раз, подняли кольцо от княжеской кольчуги: кованое из прутка, а не из простой проволоки волооченой. По нему ударили клинком или топором, и кольцо отлетело. Вместе с камушком с берега Каялы я его передал Ярославскому музею.

— Ваше выступление об авторе «Слова» даже специалисты приняли как мировую сенсацию. О чем речь?

— О том, что автор из-вестен. Это не версия, скорее то, что на языке науки называется атрибуцией. Ее можно было бы сравнить с фотороботом, что составляют следователи исхо-

Фото Алены СОЛОВЬЕВОЙ.

Арсений Тарковский. Автор в «Слове» с такой отчетливостью себя оттиснул, что по сути изобразил собственный портрет.

— Кто этот человек?

— По моему «фотороботу» выходит, что это не рядовой дружинник. Будучи совсем молодым — в тексте там много о девах — он с князьями на ты. Знает, кто к какому колену принадлежит. Вовсю возвеличивает великого князя киевского Святослава. Более того, автор был настолько к великому князю близок, что позволительно ему было, к примеру, сказать: «И сами князья куют крамолу на себя, а поганые повадились на русскую землю, подавай им белку от каждого двора». Первый крамольником в этом смысле был кто? Сам киевский князь Святослав.

— И ваш вывод?

— Что «Слово» было заказом его своему сыну Владимиру. В походе сей божьей милостью поэт и бард не участвовал, у него была забота поважнее. После поражения Игоря в землях князей, ушедших в поход, начались бунты, мародерство. Владимиру и его брату Олегу было поручено оборонять Путь. Так что вполне с руки оказалось ему сочинить вдох-

новенный «Плач Ярославны» на городской стене и не где-нибудь в другом месте, а именно в Путивле.

— Как сложилась судьба Владимира Святославича?

— Он мирно правил своим маленьким удельным княжеством — на сегодняшней карте это брянские края. Скончался в начале XIII века чуть ли не в один год с Игорем. По моему убеждению, аллегорический портрет Владимира можно посмотреть на фреске в Георгиевской церкви Старой Ладого (она на левом снимке — Авт.). Первый русский интеллигент князь Владимир Святославич жил в убежденности, что со скверной в обличии змея совладать если и можно, то силой слова.

— С какими впечатлениями отбываете домой?

— Самое сильное из них от выступления моего товарища, «пушкинодомца» Александра Боброва. Он раскопал документы Кирилло-Белозерского монастыря. По передаточным описям тамошней книгохранилищницы действительно выходит: сборник с текстом «Слова» — «Хронограф в лист с приложением баснословных повестей» — не принадлежал ярославскому Спасскому мо-

настырю. Граф Мусин-Пушкин, когда уже при Павле I его прижали к стенке, обвиняя в присвоении 14 рукописей, утверждал, что все передал «во дворец». Так и было. За исключением «Хронографа». Список вновь найденной потрясающей поэмы нужен был первооткрывателю для работы — чтобы находку издать. Ну и сановный коллекционер малость покривил душой — да, он его «зачитал». А чтобы тайну скрыть, после кончины Иоиля Быковского приписал грех ему. Утверждая, что сборник Иоиль ему вроде как продал. А как доказывает теперь научный сотрудник Пушкинского дома Бобров, настоятель Спасского монастыря человеком был честным и никогда списанными книжками не торговал.

— Вы с Бобровым не опасаетесь праведного гнева ярославцев, испокон века считающих, что великую поэму открыли в их городе?

— Правда ведь никогда не повредит. Будем изучать доклад Боброва, я его еще не читал. Но на слух прозвучало его выступление, уверяю вас, более чем убедительно. Пусть ярославцы не огорчаются. Музей у них потрясающий. Все в нем живое, каждый экспонат одушевлен любовью тех, кто делал экспозицию, следуя, как мне известно, советам Дмитрия Сергеевича Лихачева. А он говорил: «Покажите, что «Слово» было написано в стране с высококоразвитой многожанровой литературой и высокой грамотностью», и это доказывается берестяными грамотами, в стране, где книжки для того и пишутся, чтобы их читали.

— И последний, Андрей Юрьевич, вопрос для разрядки. В сочинении Владимира Святославича для вас, автора полтора тысяч комментариев к тексту, неразгаданные загадки есть?

— Ну как же, по крайней мере, одна. В строках о князе Всеславе Полоцком читаем: «И с Дудуток пустился, как волк до Немига». Речка Немига знаем, где на современной карте, — под Минском. А что такое «Дудутки», пока лично для меня остается абсолютной тайной автора «Слова о полку».

С гостем общался
Юлиан НАДЕЖДИН.